

Озаричи – незаживающая боль и память

Концентрационный лагерь «Озаричи», располагавшийся вблизи деревни с таким же названием (ныне – г.п. Озаричи в Калинковичском районе Гомельской области), просуществовал всего лишь десять дней в марте 1944-го. И, тем не менее, в истории Великой Отечественной войны он значится в списке самых страшных мест по условиям содержания и методам уничтожения людей. Ни в одном другом концлагере на территории оккупированных государств фашисты не применяли бактериологического оружия. Только в Озаричах. Там не было крематориев – эту роль выполняли холод, голод, сыпной тиф и другие болезни. . .

Зима 1943/44 года по замыслу Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии должна была стать переломным периодом в советско-германском военном противостоянии на белорусской земле. Войскам 1-го Прибалтийского, Западного и Белорусского фронтов предстояло окончательно очистить от врага восточные регионы Беларуси и освободить ее столицу Минск. В ноябре – декабре 1943 года Красная армия осуществила ряд наступательных операций. Однако в целом поставленная перед советскими войсками стратегическая задача выполнена не была: противник оставался еще достаточно сильным.

После этого военному руководству Страны Советов пришлось привести планы к более реальным целям. В частности, перед действующим на южном направлении Белорусским фронтом во главе с генералом армии К. Рокоссовским 2 января 1944 года Ставка поставила цель разбить вражескую группировку в районе Мозыря и тем самым создать плацдарм для наступления на Бобруйск и Минск, а второй частью войск продвинуться вдоль реки Припять в направлении на Лунинец.

Собрав силы в единый кулак, подразделения Белорусского фронта 8 января 1944 года приступили к осуществлению нового плана Ставки, начав Калинковичско-Мозырскую наступательную операцию. Но противник также мобилизовал все свои резервы и противопоставил им мощный заслон. Все же советским войскам после нескольких дней тяжелейших боев удалось прорвать немецкую оборону, и 14 января они при поддержке партизан освободили Калинковичи и Мозырь. Добившись успеха, К. Рокоссовский решил продолжить наступление: в южном направлении от освобожденных городов действовали войска 61-й армии под командованием генерал-лейтенанта П. Белова, а в северном – подразделения 65-й армии во главе с генерал-лейтенантом П. Батовым, которые 20 января и освободили Озаричи.

После этого части 65-й армии предприняли попытку продвинуться дальше в западном направлении. Однако на этот раз безуспешно – мощным контрударом при поддержке тяжелых танков «Тигр» фашисты остановили их натиск, после чего советским войскам пришлось занять свои исходные позиции в районе Озаричей. А 30 января всему Западному фронту был отдан приказ остановить наступление, приступить к перегруппировке сил и подготовке к новому сокрушительному удару по позициям врага – Калинковичско-Мозырская наступательная операция была завершена,

и Озаричи оказались на передней линии советско-германского фронта.

А вот выбитому из Озаричей противнику пришлось занять оборонительные позиции в лесисто-болотистой местности. И это обстоятельство вызывало у немецкого командования большое беспокойство. Ведь природа не подвластна военному времени и не станет она из-за этого изменять своим устоявшимся принципам. Поэтому, как бы там ни было, а за зимой неминуемо наступит весна. А это значит, что спадут морозы, начнет таять снег, вскроются ото льда многочисленные полесские речушки, после чего весенняя вода заполнит низинные и болотистые места, в которых вынуждены держать оборону немецкие солдаты. В такой-то ситуации не комфортно им будет противостоять неминуемому наступлению советских войск. Необходимо было искать выход. И он был найден.

Командиру 56-го танкового корпуса немецкой 9-й армии, входившей в группу армий «Центр» (ее 129, 110 и 35-я пехотные дивизии как раз и удерживали оборону в районе Озаричей), генерал-лейтенанту Ф. Гроссбаху пришла на ум «гениальная идея»: обустроить более выгодные оборонительные позиции в нескольких километрах от существующих и отвести туда войска, а на освободившейся территории создать живой заслон из гражданского населения. Как организовывать такого рода «преграды» и Ф. Гроссбах, и его непосредственный командир командующий 9-й армией генерал И. Харпе, который одобрил «идею», хорошо знали – необходимо оградить определенную площадь колючей проволокой и загнать туда людей.

Однако решение об отводе войск с занятых позиций они не могли принять самостоятельно, на это нужно было разрешение, как минимум, верховного командования вермахта. Тогда Ф. Гроссбах решил воспользоваться тем обстоятельством, что еще на заре Третьего рейха он служил у нацистского вождя главным адъютантом. И его обращение напрямую к Гитлеру принесло вполне ожидаемый результат: «добро» на реализацию бесчеловечной идеи было получено. Правда, при этом план Ф. Гроссбаха был существенно усовершенствован. По предложению рейхсарцтефюрера Х. Блюменталля, который занимался разработкой бактериологического оружия, предлагалось

▲ Диорама в Музее памяти жертв Озаричского лагеря смерти

массово заразить узников созданного на переднем крае обороны концлагеря сыпным тифом. Это, согласно задумке вермахтовского «эскулапа», должно было усилить эффект: советские солдаты не станут осторожничать при освобождении пленников концлагеря и при контакте с ними заразятся тифом сами, что в итоге поспособствует приостановке наступления Красной армии.

Так была разработана операция по созданию лагерей специального назначения. Предполагалось на линии обороны 9-й армии обустроить три концентрационных лагеря в местах возможного прорыва немецкой обороны Красной армией – около деревень Дертъ, Озаричи и Подосинник. Первый из них поручалось создать 35-й дивизии вермахта, которой командовал генерал-лейтенант И. Рихерт, два остальных – 110-й дивизии во главе с генерал-лейтенантом Э. фон Куровски. Впоследствии при расследовании фашистских злодеяний они получили название Озаричские лагеря смерти, или концлагерь «Озаричи».

Особых различий в обустройстве трех лагерей смерти не было. Каждый из них представлял собой расположенную в болотистой местности открытую площадку, обнесенную колючей проволокой. Никаких построек, кроме установленных по периметру наблюдательных вышек.

Как свидетельствуют немногочисленные дошедшие до нас документы, к воплощению своей бесчеловечной идеи фашисты приступили в конце февраля 1944 года. 23 февраля по 9-й армии был издан приказ «О тактике нападения на бандитские формирования», положивший начало процессу «зачистки» прифронтовой полосы от гражданского населения. В близлежащих населенных пунктах немцы проводили облавы, арестовывая всех жителей, трудоспособных отправляли в район размещения будущих Озаричских лагерей смерти. Считается, что первыми жертвами чудовищной фабрики смерти в Озаричах как раз и стали те узники, которые были отобраны для строительства лагерей.

Когда вся необходимая «инфраструктура» была создана, фашисты тут же приступили к ее заселению. Официально считается, что произошло это 10 марта 1944 года. За колючей проволокой оказались женщины, старики и дети из ближайших деревень, которых после проведенных облав фашисты отправляли в лагеря-накопители. Одновременно с ними лагеря пополнялись и другими узниками, о которых, как ни странно, фашисты «позаботились» заблаговременно.

▼ Карта-схема размещения в окрестностях д. Озаричи полевых госпиталей 1-го Белорусского фронта, задействованных в противо-эпидемических мероприятиях

Есть сведения, что еще с 1942 года отступающие регулярные немецкие войска этапировали перед собой гражданское население из Смоленской, Брянской и Орловской областей, а затем и восточных регионов Могилевщины и Гомельщины. Их планировали использовать при острой необходимости в качестве живого щита. Но в итоге им было уготовано еще более суровое испытание – Озаричские лагеря смерти.

Была и третья категория узников. Якобы под предлогом заботы о мирном населении прифронтовой полосы, чтобы люди не попали под удары наступающих советских войск, фашисты проводили их массовое отселение. Будто бы для дальнейшого переезда в новые безопасные места проживания их доставляли в так называемые пересыльные пункты, расположенные на железнодорожных станциях Рабор, Старушки и Красный Берег. По свидетельствам очевидцев, уже там становилось понятно, о каком «отселении» шла речь. Перед входом на отгороженную колючей проволокой территорию у пригнанных отнимали собранные в спешке вещи, документы и продукты, оставляли только одежду. В этих лагерях людей держали по 2–5 суток, а затем строили в колонны и гнали вглубь лесов и болот – до самих концлагерей. По обеим сторонам людского потока шли конвоиры с собаками и расстреливали тех, кто выходил из строя на обочину или не мог идти.

Вот что вспоминает о своем «пути» в Озаричи М. Вирейская, жительница Жлобина: «Конец февраля – март 1944 года... Немцы гонят нас на железнодорожную платформу. Всех людей загоняют в товарные вагоны. На весь вагон сверху по два маленьких окошка. Люди стоят как селедки в бочке. Для туалета пробиты дыры в полу. Слышно, как закрывают вагоны, и поезд пошел. Как долго мы ехали, не знаю. Привезли нас на какой-то полустанок поздно ночью и начали выгружать. Люди шли через рвы, канавы и пришли в большой лагерь. Темно, холодно, хотелось пить. Мы ножиками рыли землю и цедили оттуда воду. Когда рассвело, увидели, что лагерь разделен пополам. На второй половине был колодец, и люди побежали за водой, но немцы сразу стали стрелять. Здесь мы пробыли недолго. Нас погнали дальше. За лагерем по обе стороны дороги были выкопаны большие рвы, и около них стояли немцы в черных мундирах

с автоматами в руках... Я отвернулась, посмотрела назад и увидела там много-много оставшихся вещей и среди них куклу. Хотела ее взять, но мама не разрешила. К вечеру мы попали в маленький лагерь в лесу. Здесь немцы отделяли женщин от мужчин, а детей и стариков погнали дальше. Это была длинная дорога, частично выложенная жердями. По ней шли машины, после которых оставались широкие колеи, из которых мы брали воду и пили».

«После разгрузки эшелона нас выстроили в колонну и погнали вглубь леса, по дороге, утопающей в грязи, – читаем воспоминания еще одного жителя города Жлобина и узника Озаричей Г. Пархоменко. – По обе стороны дороги валялись трупы расстрелянных в дороге детей, женщин, стариков, чувствовалось, что по этой дороге прошел этапом не один разгрузившийся до нас эшелон».

Однако этот обильно политый кровью путь был лишь частью лишений. Куда более трудные испытания ожидали озаричских узников впереди, уже непосредственно в лагерях. Конечного пункта своих скитаний они ждали как манны небесной, но все обманывались в своих ожиданиях. Действительность была значительно более жестокой.

Напомним, что на территории Озаричских лагерей смерти не было никаких построек, и узники, которых по официальным данным насчитывалось более 50 тыс. человек, находились под открытым небом. А между тем, как следует из воспоминаний бывшего начальника медцинской службы 65-й армии генерал-майора В. Колодкина, «за время пребывания в этих лагерях температурные колебания воздуха составляли от 0° до –15°, выпадал снег, дожди сменялись морозами». Женщины, имевшие детей, собирали их на ночь в группы по 15–20 человек, укрывали, чем могли, и, не отходя от них все ночи, оберегали от холодной смерти. Питались же, если это можно так назвать, тем, что женщины сумели спрятать и держать при себе: зернами ржи, пшеницы, проса, мукой, а также мхом, найденными на болоте ягодами клюквы. Узникам запрещалось разводиться костры не только ночью, но и днем. Правда, иногда провизию – замешенный на опилках хлеб – доставляли и немцы. «Помнится, однажды на большом грузовике немцы привезли маленькие бе-

◀ «Советский ребенок рядом с убитой матерью». Концлагерь «Озаричи». Март 1944 года. Фото Е. Подшивалова

лые кирпичики хлеба и начали изо всей силы бросать в толпу. Озверевшие от голода люди набрасывались на упавший хлеб... Мне также удалось подхватить буханку и принести матери. Как потом выяснилось, этот хлеб был заражен сыпным тифом...» – читаем воспоминания М. Гириловича, жителя деревни Черная Вирня Жлобинского района.

На территории лагерей не было отхожих мест. Покров снега превратился в сплошное месиво. Все нечистоты при оттепели стекали в болотистые части лагерей, откуда узники вынуждены были черпать воду, чтобы промочить горло, размешать мучную похлебку для детей.

Узников днем и ночью охраняли немецкие солдаты на сторожевых вышках. Когда кто-либо приближался к колючей проволоке, охранники стреляли без предупреждения. Более того, непосредственно на самом ограждении были установлены гранаты-растяжки, которые довольно часто срабатывали в ночное время при попытке побега узников. Поэтому вдоль охранной ограды лежало много тел убитых, и их никто не убирал. Большая смертность была и внутри лагеря. Как вспоминал М. Гирилович, «в одну из ночей прошел обильный снегопад, а утром глазам представилось очень много снежных холмиков. Мы догадались, что это

были умершие...». Эти трупы немцы также не стремились предавать земле.

Впрочем, незахоронение умерших было одним из тактических ходов оккупантов. Ведь главной их задачей было как можно шире распространить среди узников сыпной тиф, быстро передававшийся в условиях большой скученности людей. С этой целью в Озаричские лагеря специально завозились больные тифом. Жительница деревни Замощаны нынешнего Калинковичского района Т. Решетко вскоре после своего освобождения из лагеря дала представителям следствия по факту организации немецко-фашистскими захватчиками Озаричских лагерей смерти следующие показания: «Заболела я в конце февраля и была в больнице села Любань. Там лечения никакого не было. Из больницы... была перевезена в лагерь около местечка Озаричи. Лежали и сидели под открытым небом. Вместе с больными сыпным тифом находились и здоровые».

Более того, фашисты решили испытать в Озаричах и свои последние разработки в области бактериологического оружия. По

многочисленным свидетельствам узников, в один из дней над лагерем пролетел самолет, после чего на снегу осталось множество желто-бурых пятен, а люди стали еще больше болеть.

А вот как вспоминал об этом в своей книге «В походах и боях» командующий 65-й армией генерал-лейтенант П. Батов: «На правом фланге противник не предпринимал больше активных действий. Но здесь свирепствовал другой враг – сыпной тиф. Разведчики донесли комдиву, что в окрестностях, на болоте, они видели лагеря: колючая проволока, за ней на холоде, без всяких укрытий – женщины, ребяты, старики. Командир дивизии Ушаков послал несколько подразделений отбить страдающих людей, пока их не постреляли фашисты. Но немецко-фашистское командование не дало приказ уничтожить заключенных. Оно ждало другого. Русские солдаты бросятся к замерзающим женщинам, обнимут детишек, и тогда поползет в ряды наступающих советских войск тифозная вошь».

После обнаружения советскими разведчиками лагерей командование 65-й армии разработало план по их освобождению. Как утверждает автор нескольких книг о концлагере «Озаричи» и бывший его узник А. Шкуран, по указанию начальника штаба 65-й армии генерал-майора М. Бобкова 18 марта 1944 года наши парламентарии вручили командованию 110-й пехотной дивизии вермахта ультиматум с требованием немедленно отвести германские войска с передней линии обороны и оставить концлагеря в нейтральной зоне. Советское командование гарантировало в течение 24 часов отход германских войск без преследования отступающих. А немцы только этого и ждали – в ночь на 19 марта они отошли на подготовленную линию обороны по реке Тремля, оставив концлагеря на нейтральной полосе. Утром на территории концлагеря появились первые воины Красной армии. Подходы к лагерям были заминированы, поэтому советское командование требовало соблюдения определенного порядка поведения узников. Невнимание к армейским требованиям приводило к трагическим последствиям: около 140 человек подорвались на минах.

На помощь узникам было направлено до 2 тыс. солдат. Они помогали выходить за территорию лагерей, выносили обессилен-

► В память об узниках

ных детей и взрослых. В общей сложности в трех лагерях было освобождено около 33,5 тыс. человек, в том числе 16 тыс. детей в возрасте до 13 лет. Официально считается, что в Озаричских лагерях смерти погибло свыше 20 тыс. человек.

В конце марта 1944 года в Озаричах побывал и народный поэт Беларуси Якуб Колас. Свои впечатления он отобразил в очерке «Лагерь смерти», который был опубликован в газете «Известия» 19 апреля того же года и стал одним из первых документально-художественных произведений о массовом истреблении немецко-фашистскими захватчиками мирного населения.

«Безлесное моховое болото. Оно занимает гектаров 40–45. Снег еще полностью не растаял на нем, но между кочек уже проступают целые заводи. Неприветливо свисает над ним холодное мартовское небо, подернутое облаками. Сырой, пронизывающий ветер, обильный мокрый снегопад проносятся над болотом. Оттепель сменяется морозами. Болото находится в зоне двустороннего обстрела. Оно обнесено колючей проволокой и густо заминировано со всех сторон. В этот холодный ад согнали немецкие душегубы несколько десятков тысяч мирного белорусского населения, ограбленного в пути, голодного, плохо одетого и обутого», – так начинает писатель свое произведение. И дальше делится впечатлениями от увиденного: «Никогда в жизни я не встречал такого количества и в таком виде изможденных людей. Они поистине прошли крестный путь, путь невыразимых мук и невообразимого издевательства. Эти люди – жертвы гитлеровских палачей и убийц. Это – сыны и дочери белорусского народа, немощные старики, женщины и дети. Для них устроили немецкие изверги чудовищный лагерь смерти в районе местечка Озаричи Полесской области.

Нельзя без содрогания сердца слушать рассказы людей, побывавших в когтях немецких хищников и освобожденных из их неволи. Жители разных областей и районов Белоруссии – Гомельской, Могилевской и Полесской – рассказывают об одном и том же – о неслыханной жестокости, об издевательствах гитлеровских палачей. Рассказы их искренни, правдивы. В каждом их слове звучит глубокое страдание. Пережитое в пути к лагерю и в самом лагере глубоко

▲ Митинг-реквием, посвященный 70-летию освобождения узников Озаричского лагеря смерти. Март 2014 года

вонзилось в психику страдальцев, наложило тяжелый отпечаток боли. Были случаи, когда люди не выдерживали ужасов нравственных и физических пыток и сходили с ума».

Подоспевшие в Озаричи вслед за отступившими немцами советские воины-освободители уже знали, с кем и с чем имеют дело. «Медицинский отдел армии немедленно оценил обстановку и определил направления основных усилий медицинской службы: ликвидация эпидемии сыпного тифа среди лиц, освобожденных из лагерей; ограждение войск от заноса сыпного тифа; спасение жизней населения, освобожденного из концентрационных лагерей, – читаем воспоминания бывшего начальника медицинской службы 65-й армии генерал-майора В. Колодкина. – Военный совет армии, озабоченный эпидобстановкой... принял постановление «О мероприятиях по обработке и эвакуации гражданского населения, освобожденного из немецких концентрационных лагерей». Этим постановлением предусматривалось выделение войск для помощи населению и несению карантинной службы, транспорта для эвакуации, необходимых сил и средств медслужбы, продовольствия, вещевого имущества. Утверждена карантинная зона, определена очередность проведения намеченных мероприятий. Из армейского запасного полка выделен сводный батальон численностью 536 человек. После выполнения основных

работ... часть личного состава была возвращена в полк, а оставшиеся 327 человек несли службу оцепления по рубежу р. Ипа и железнодорожной линии Шатилки – Калининичи. Охраняя карантинную зону. Всего в оказании медицинской помощи и проведении противоэпидемических мероприятий среди населения, освобожденного из лагерей, привлекалось более 3000 человек личного состава армии».

В окрестностях Озаричей было развернуто 25 полевых госпиталей. Тысячи жизней удалось сохранить благодаря пенициллину – это был один из первых случаев использования советской медициной антибиотиков. Но все же многие узники навсегда остались инвалидами: с ампутированными отмороженными ногами и руками, с хроническими заболеваниями.

Стоит сказать, что среди солдат Красной армии, освобождавших узников, вспыхнул тиф. Однако эпидемия не достигла масштабов, на которые рассчитывали немецкие стратеги. Как утверждает В. Колодкин, «около 8 проц. из этих лиц, несмотря на предупредительные меры, заразилось сыпным тифом». В деревне Старые Новоселки Калининичского района, где дислоцировались два госпиталя, есть братская могила. В ней похоронены 230 воинов. Как утверждает в историко-документальной книге «Памяць. Калінкавіцкі раён», большая часть их как раз и умерли от сыпного тифа.

Во время эпидемии случались и счастливые моменты. Наперекор господствовавшей повсюду в Озаричах смерти, там родился и, главное, выжил младенец, ныне житель Жлобина Валентин Николаевич Татаринков. Его мать, ослабленная и измученная голодной и холодной концлагерной жизнью, умерла во время родов. Новорожденного мальчика, крошечного живого человечка, узники завернули в фуфайку матери и положили неподалеку под сосну... умирать, чтобы назавтра отнести его к штабелю трупов. Утром после довольно морозной ночи сверток с малышом решили положить рядом с умершей матерью. А он, ребенок, возьми да зашевелиться и начини плакать. Обреченные на смерть люди восприняли это как чудо и одновременно как надежду на свое спасение. Срочно с миру по крошке, кто что мог, они собрали продукты, чтобы покормить мальчика. Весть про счастливое рождение

ИЗ ПЕРВЫХ УСТ

Фото этой маленькой девочки с доверчивым и в то же время полным боли взглядом довольно часто использовали редакторы для иллюстрации публикаций об ужасах войны, в том числе и о концентрационном лагере «Озаричи», узником которого являлась эта малышка. А вот она сама долгое время даже и не догадывалась, что на этом широко известном снимке запечатлено именно ее лицо.

– Это мой племянник все разведал, – рассказывает жительница Бобруйска Вера Сергеевна Солонович. – Он учился в Минске и, будучи на экскурсии в Белорусском музее истории Великой Отечественной войны, обратил внимание на этот снимок, и особенно на подпись под ним – «1944 год. Шестилетняя Вера Курьян из деревни Подвидки – узница концлагеря в Озаричах». Он знал о моем военном детстве, знал и мою девичью фамилию – Курьян. И хотя название нашей деревни немного было искажено – на самом деле она называется Подветка и располагается в Октябрьском районе, никаких сомнений у него не возникло.

Сегодня Вера Сергеевна признается, что знает о происходившем с ней в военные годы лишь со слов своей тети, деда и односельчан: слишком мала была тогда.

– Вначале нашу деревню немцы сожгли. Я, старший брат Женя, мама с младшей сестренкой, родившейся весной 1941-го, тетя Хадосья и дед Василий нашли пристанище в землянке рядом с болотом Бабинице, там вместе со многими односельчанами и прожили до марта 1944 года. Весной 44-го немцы обстрелом выбили людей из болота и погнали в концлагерь «Озаричи». Там мама заболела тифом, она слабела с каждым днем.

По словам тетки, брат Женя очень переживал из-за этого. Однажды он куда-то отошел, тетя давай его искать. И видит: брат подошел к немцу, который ел консервы из банки, упал

перед ним на колени и стал просить: «Дай, дай». Немец ударил его, Женька откатился и снова к нему ползет, просит. Немец съел все, без остатка, банку выбросил, а братик схватил ее и бежать. Склонился над лежащей матерью, пальцем вымазывал банку и маме давал облизывать. Так хотел, чтобы она жила.

Еще тетка хорошо запомнила, как кружили самолеты над болотом, и все покрывалось серой пылью. А утром пошел снег, и видны были только бугорки человеческих тел – некоторые лежали неподвижно...

19 марта, в день освобождения нас из концлагеря, дед с теткой заметили, что я исчезла. Они в панике бросились меня искать и нашли рядом с фотокорреспондентом. Я в лохмотьях, которыми обвязал меня дед, улыбалась ему, а он фотографировал. Что могло развеселить меня в тот скорбный момент, понятия не имею. Может, фотограф про птичку сказал...

Так и родился этот снимок. Более того, по словам Веры Сергеевны, на не менее известном снимке из Озаричей «Советский ребенок рядом с убитой матерью» тоже запечатлена она.

– Я показывала эту фотографию тетке Хадосье и одной своей землячке, Параске, которая была в Озаричах рядом с нами. И обе сказали: да, это твоя мама Лида лежит, а рядом ты, Вера, маленькая, – говорит Вера Сергеевна.

А то, что фотокорреспондент посчитал мать мертвой, неудивительно. Она была едва живой. Поначалу солдаты даже отказались заносить ее в кузов грузовика, посчитав мертвой. Но дед не отступил, нашел где-то стеклышко, поднес его ко рту матери и доказал, что она еще дышит.

В Озаричах у Веры Сергеевны навсегда осталась маленькая сестренка. Где ее похоронили, она не знает. После освобождения они некоторое время жили в Хойниках, затем переехали на пепелище в родную Подветку. И там, и там бедствовали.

Достигнув совершеннолетия, Вера Курьян покинула деревню. Работала на кирпичном заводе в Паричах, потом переехала к тетке в Бобруйск, устроилась в больницу санитаркой. Там познакомилась с будущим мужем, вышла замуж, родила двоих детей. Закончила свой трудовой путь на заводе резинотехнических изделий, сейчас она уже на пенсии.

Вера Сергеевна дважды ездила в Озаричи – долго ходила, вглядывалась... Вспомнить ничего так и не смогла, но остро почувствовала боль этой земли, где замучены фашистами ни в чем не повинные люди...

Валентина – так назвали малыша – разлетелась по всему лагерю, и узники сделали все возможное, чтобы он остался жив. В итоге их желание сбылось: мальчик был в числе первых передан подросевшим через несколько дней военным врачам, которые и выходили его. А сам Валентин Татаринов является единственным человеком, у которого в официальном свидетельстве о рождении записано: место и дата рождения ребенка – концлагерь «Озаричи», 16 марта 1944 года.

Замысел врага по созданию на пути наступающей Красной армии живого щита в полной мере не сработал. Советское наступление в районе Озаричей не было остановлено. Войска 1-го Белорусского фронта (в феврале 1944-го такое название получил Белорусский фронт) во главе с маршалом К. Рокоссовским мстили нацистам, в том числе и за концлагерь «Озаричи», до самого Берлина.

Военная прокуратура 65-й армии по горячим следам провела расследование преступлений, совершенных нацистами в Озаричских лагерях смерти. Заключение по материалам расследования дела по истреблению советских граждан, утвержденное 4 апреля 1944 года военным прокурором 65-й армии полковником юстиции Бураковым, и материалы расследования были переданы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Упомянутые следственные материалы рассматривались на заседании Международного военного трибунала № 1, заседавшего в Нюрнберге с 20 ноября 1945 по 1 октября 1946 года. Помощник главного обвинителя от СССР Л. Смирнов тогда заявил: «Созданием концентрационных лагерей у переднего края обороны с размещением в них здоровых и сыпнотифозных больных немецкие военные власти пытались преднамеренно распространить эпидемию сыпного тифа среди советского населения и частей Красной армии, что является грубейшим нарушением законов и обычаев ведения войны, признанных цивилизованными народами».

В 1946–1947 годах и в Беларуси прошел ряд судебных процессов над немецкими военными преступниками, обвиненными в совершенных в Озаричских лагерях смерти злодеяниях. И повсюду настигло их. Ре-

шением Белорусского военного трибунала командир 35-й пехотной дивизии генерал-лейтенант И. Рихерт, генерал-майор полиции и бригаденфюрер СС Г. Эбергард и другие (всего 18 человек) приговорены к высшей мере наказания – повешению. Еще десятки нацистов получили длительные сроки и отбывали их в исправительно-трудовых лагерях.

Однако не всех военных преступников постиг карающий меч правосудия. Один из них – Ф. Госсбах – после окончания войны спокойно проживал в Западной Германии и писал мемуары (в том числе и о концлагере «Озаричи»). А бывший квартирмейстер 9-й армии полковник В. Боденштайн, самый активный организатор концлагеря «Озаричи», после войны продолжал служить в бундесвере и дослужился до бригадного генерала.

Несмотря на то, что Озаричские лагеря смерти существовали всего лишь десять дней (с 10 по 19 марта 1944 года), последствия их наличия ужасающи. О них свидетельствуют некоторые исторические документы, а также материалы Нюрнбергского трибунала, признавшего лагерь в районе Озаричей специальными концентрационными лагерями на переднем крае обороны.

► Памятный камень – часть мемориального комплекса на месте Озаричского лагеря смерти

Через 21 год после трибунала в Нюрнберге, 23 февраля 1967 года, правительством ФРГ был утвержден перечень концентрационных лагерей, организованных фашистами в годы Второй мировой войны. В него, наряду с Освенцимом, Майданеком, Треблинкой, Бухенвальдом, были включены и два концлагеря, располагавшиеся на территории Беларуси – Тростенец и Бронная Гора. Озаричи в названный перечень не внесли.

Начиная с июля 2006 года Министерство юстиции Республики Беларусь, как и Республиканское объединение бывших узников фашизма концлагеря «Озаричи», неоднократно направляло германской стороне обращения с просьбой рассмотреть вопрос о возможности включения Озаричей в перечень концентрационных лагерей. Белорусский Минюст считает, что этот лагерь являет собой свидетельство беспрецедентных зверств и массового уничтожения белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и фактически не отличается от иных концентрационных лагерей. Поэтому было бы справедливо и оправдано, чтобы Германия признала Озаричи концентрационным лагерем. Но вопрос пока остается открытым.

В 1965 году на месте Озаричского лагеря смерти возведен мемориальный комплекс. Там установлен памятник из трех стел, на которых высечены образы узников – женщин, детей, стариков. А на постаменте – венки и живые цветы в память о тысячах заключенных, навеки оставшихся в Озаричах. 26 июня 2004 года, в канун 60-летия освобождения Беларуси, в городском поселке Озаричи в здании местного поссовета был открыт Музей памяти жертв Озаричского лагеря смерти. В нем собраны архивные материалы, документы, воспоминания узников, их фотографии, личные вещи. Руководитель музея З. Хлебовец рассказывает, что ежегодно 19 марта – день освобождения концлагеря «Озаричи» – на мемориальном комплексе проходят памятные траурные мероприятия, в которых участвуют бывшие узники, их близкие, родственники. Среди приехавших всегда много молодых людей. Незаживающая боль Озаричского лагеря смерти набатом памяти звучит в их сердцах.

Сергей ГОЛОВКО

Фото автора и архивные